

СОЦИОЛОГИЯ ИСЛАМА

УДК 301:29

З.М. Абдулагатов

Проблемы определения экстремизма в деятельности массовых исламских движений (на примере Республики Дагестан)

Отдел социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; Zaid48@mail.ru

В статье на примере Республики Дагестан дан анализ проблем экспертизы массовых религиозных движений на предмет выявления экстремистского содержания.

Ключевые слова: *экстремизм, религиозно-политический экстремизм, экспертиза, ваххабизм, салафизм, джадидизм, инструментализм, терминальный.*

In article on the example of the Republic of Dagestan the analysis of problems of expertise of mass religious motions about detection of the extremist contents is given.

Keywords: *extremism, religious and political extremism, expertise, Wahhabism, Salafism, Jadidism, instrumentalism, terminalian.*

В Дагестане в последние годы религиозно-политический экстремизм (РПЭ) проявляет себя особенно активно. Показатели террористической деятельности, такие, как посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов, статистика погибших сотрудников и уничтоженных членов незаконных вооруженных формирований (НВФ), арестованных и осужденных за религиозно-политическую экстремистскую деятельность, здесь намного выше, чем в других субъектах Российской Федерации. По данным Центра ситуационного анализа (ЦСА), которым руководит академик Е.М. Примаков, число активных членов радикальных исламских бандформирований на Северном Кавказе составляет приблизительно 4500–5000 человек. В то же время российские эксперты считают, что наиболее опасная религиозно-политическая ситуация сложилась в Дагестане [23]. Только в 2009 г. в РД совершено около 200 посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, в результате чего погибли 70 милиционеров (полицейских). В том же году в ходе спецопераций уничтожено 140 боевиков. Коренного перелома в этом силовом противостоянии еще не произошло.

Противодействие данному явлению оказывается различными методами. В основном оно носит силовой характер. Самым слабым звеном здесь является идеологическое противодействие. Это сложный самостоятельный вопрос, который следовало бы разбить на более простые. Один из них – с чем и с кем мы воюем, чему и кому мы противодействуем?

Этот вопрос оказался не простым как для властных структур Республики Дагестан, так и для представителей гражданского общества, в частности для тех, кто поддерживает так называемый «официальный ислам», т. е. ислам, признаваемый государством. Он же оказался спорным и для научного сообщества, где так называемый «дагестанский ваххабизм» рассматривался, с одной стороны, как экстремистское явление в исламе, с другой – как исламский модернизм, как новое течение, отвечающее рационалистическим представлениям человека, получившего современное сциентистское образование в светских (советских) учебных заведениях [12, с. 108–109].

Однако проблема намного сложнее, если учесть, что и на мировом уровне до сих пор не разобрались в классификации террористических организаций. В настоящее время «Хизбалла» одними странами, например Соединенными Штатами Америки, внесена в подобный список, другими, к примеру Россией, – нет [10]. Очевидно, что в оценках экстремизма зачастую преобладают политические, а не научные подходы. Где-то науч-

ные подходы оказались подчиненными политическим, в т. ч. национальным, интересам и даже интересам отдельных социальных групп.

В практике противодействия РПЭ на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, произошел ряд значимых событий, которые показывают, что экспертиза массовых религиозных действий и движений на наличие экстремистских составляющих является проблемной. Так, в сентябре 1999 года Народное Собрание Республики Дагестан (НС РД) приняло закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», «который фактически любого приверженца салафизма приравнивал к экстремисту» [17, с. 62]. Определяющую роль как в формулировке названия закона, так и в его принятии, сыграло Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД), которое представляло сторону религиозной экспертизы. Тем самым была заложена основа для правоведческих экспертиз массовых религиозных действий дагестанских мусульман на основе религиозных предпочтений традиционного суфийского ислама, который официально представлен ДУМД. Равиль Гайнутдин, председатель Совета муфтиев России, считает, что антиваххабитский закон – акт против ислама, и что ДУМД воюет со своими внутриконфессиональными оппонентами [21].

По мнению Р. Гайнутдина, «ваххабизм – это официальная идеология Саудовской Аравии, где нет ни терроризма, ни экстремизма, которые основывались бы на ваххабизме. Ваххабизм основан на учении Корана и Сунны Пророка. А учение ислама против любого терроризма и насилия, требует любить ближнего, распространять мир и любовь между народами. Принятие в России какого-либо закона о запрете ваххабизма будет означать ущемление прав и конституционных свобод наших граждан-мусульман» [22].

Необходимо признать, что и данная позиция не является полностью объективной. Она, во-первых, не учитывает наличие разных проявлений ваххабизма, в том числе и экстремистских. А во-вторых, было бы точнее считать идеологию Саудовской Аравии не ваххабизмом, а ханбализмом. Ваххабизм есть крайне правое крыло ханбализма [7, с. 114]. Оценка Р. Гайнутдина приближительна и по той причине, что в самой Саудовской Аравии идет борьба с исламским экстремизмом [11], который, конечно же, возник на почве ханбалитского мазхаба.

В связи с данным законом важно и следующее обстоятельство. В 2000 году НС РД выступило с законодательной инициативой о принятии федерального «антиваххабитского» закона, по аналогии с тем, который имелся в РД. Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций Госдумы РФ [6], рассмотрев вопрос с участием соответствующих экспертов, отказал НС РД в реализации законодательной инициативы с формулировкой невозможности правового запрета религиозного течения, которое имеет свою длительную историю. В законопроекте термину «ваххабизм» придавался не религиозный, а политический смысл. В нем не было четкого правового определения ваххабитской деятельности, которая рассматривалась исключительно как одна из форм экстремистской деятельности вообще. Не были выявлены и особые признаки ваххабитской экстремистской деятельности, которые позволили бы отличать ее от иных форм экстремизма. Они не указывались, поскольку вообще вряд ли могут быть определены как таковые. А без этого выделение ваххабизма как идеологической основы особой формы религиозной экстремистской деятельности лишается смысла.

Более того, использование терминов «ваххабитская деятельность» и «ваххабитские объединения» вносит неопределенность и путаницу в действующее законодательство и препятствует точному и юридически корректному его применению для пресечения экстремистской деятельности религиозных объединений. В частности, принятие законопроекта позволило бы привлекать религиозные объединения и отдельных граждан к ответственности не за конкретные противоправные деяния, а за отстаивание определенных взглядов и политических позиций, которые могут быть отнесены к «ваххабитским». Без точного определения этого понятия в законе одна только оценка взглядов

как «ваххабитских» была бы достаточна для обвинения их последователей в экстремизме. В результате для привлечения религиозного объединения и его членов к ответственности вместо доказательства реальных фактов ведения экстремистской деятельности было бы достаточно отнести их к «ваххабитским» и «ваххабитам».

Тем не менее, «антиваххабитский» закон РД до сих пор остается правовой основой противодействия любым проявлениям салафитского сознания в республике, в том числе и неэкстремистским. С принятием «антиваххабитских» законов на Северном Кавказе под понятие «ваххабит» подпали довольно большие группы верующих мусульман. В действительности сами «ваххабиты» с этим были категорически не согласны, о чем многократно говорили их лидеры А. Ахтаев, Б. Магомедов [4, с. 116]. Об этом же с недоумением («как можно запретить то, чего нет?») говорили рядовые верующие [3].

Односторонняя конфессиональная экспертиза религиозных ценностей оказалась опасной в качестве не только основы законодательных решений, но и конкретной реализации нормативных требований закона. ДУМД, сознавая свой статус «официального», особо приближенного к государственной власти ислама в РД, имеет Экспертный Совет, который контролирует исламские печатные издания и другие носители религиозной информации в республике. Одним из действий ДУМД такого рода явилось наложение запрета на аудио-, видео-, фотопродукцию по религиозной тематике, запрет на «продажу и распространение всех дословных переводов Корана и Хадисов, начиная с переводов Крачковского, заканчивая переводом Валерии Пороховой» [24].

Экспертный Совет ДУМД начал проводить рейды по республике с целью уничтожения литературы «антиисламского», «религиозно-экстремистского» содержания [14]. В частности, изымались из магазинов переводы Корана, выполненные известным ученым, лауреатом Государственной премии России М.-Н. Османовым [13]. Все эти действия подкреплялись ссылками на закон РД «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» [24]. ДУМД практически взял на себя отдельные функции государственных органов: вместо правовых органов решает вопросы о том, какая литература ваххабитская; принимает практические шаги, нарушающие законные права частных лиц (продажу книг, изданных по решению государственных органов, в частных и государственных магазинах); привлекает для исполнения несанкционированных властью решений подразделения силовых структур.

Ввиду таких обстоятельств никакие экспертные советы, подчиненные интересам отдельных конфессий, не должны принимать самостоятельных решений о наличии или отсутствии экстремистского содержания в различного рода изданиях. Они же не должны принимать самостоятельных решений по определению наличия экстремистского содержания в массовых религиозных действиях, движениях. В этом направлении в Дагестане сделан первый шаг: 2 ноября 2010 года в республике создана Комиссия по адаптации боевиков к мирной жизни. Такой комиссии еще не было на Северном Кавказе. Естественно, она должна заниматься экспертизой деятельности «лесных братьев», определять наличие в ней религиозно-политических, экстремистских составляющих. Что важно в этой новой организации – в ее состав включены люди из самых разных структур, социальных групп общества: представители правительства, МВД, ДУМД, журналисты, а главное – членом комиссии определен один из известных лидеров умеренных салафитов Абас Кебедов. В работе Комиссии часто возникают острые конфликты по поводу оценок тех или иных явлений на предмет наличия экстремистского содержания. Например, на одном из заседаний Комиссии, где обсуждался вопрос об экстремистском характере зарубежного исламского образования, Абас Кебедов заявил: «Запрет на учебу за пределами России незаконен» [2]. Естественно, что эта Комиссия не может решать все проблемы религиозной экспертизы экстремизма – основные задачи у нее иные, тем не менее, это еще один шаг в направлении объективной оценки ситуации.

Салафизм – явление многогранное, и борьба против всех его форм означала бы для российского государства противопоставление себя массовым проявлениям мирного, неполитизированного салафизма. По данным многочисленных социологических опросов, проведенных автором в Дагестане, салафитское сознание как отказ от исламского модернизма поддерживается большинством опрошенных (опрос 2007 г. – 52,1 %). То же самое наблюдается в республиках Чечня, Кабардино-Балкария (опрос 2011 г. – 52,8 и 61,2 % соответственно). Нет оснований думать, что в других субъектах РФ на Северном Кавказе позиция мусульман по данному вопросу будет иной.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что религиозно-политическая форма салафизма («ваххабизма»), как проявление экстремизма, преобладающим большинством населения РД (82,8 %) не одобряется. Она, по его мнению, должна быть запрещена законодательно. Неполитические формы деятельности салафитов в общественном мнении вызывают меньше протеста («ваххабизм нельзя запретить, так как это будет ограничением свободы вероисповедания» – 42,2 %). Это защита салафизма, не объединенного в организации, движения, течения, политические партии, проявляющего себя как выбор мусульманином тех форм поклонения Аллаху, которые он считает правильными. Религиозная экспертиза, а следовательно, и правовая, должны видеть эту форму появления «ваххабизма» в массовом сознании и отличать её от других. В республиканском законе «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности» не учтено многообразие проявлений исламского фундаментализма в Дагестане. В частности, в законе и практике его реализации оказались смешанными два различных явления: а) склонность к насилию под религиозными и квазирелигиозными лозунгами; б) твердая приверженность убеждениям и индивидуальному образу жизни, которые человек считает правильными.

В процедурах религиозной экспертизы желательно различать терминальное и инструментальное использование массовым сознанием религиозной идеологии в достижении поставленных целей. В случае терминального ее использования в массовых религиозных движениях мы имеем религиозные цели, например, борьбу за халифат, построение исламского государства или что-то другое. Во втором случае религиозная идеология используется для достижения иных, нерелигиозных целей.

Терминальность имела место в религиозно-политической деятельности таких организаций в Дагестане, как «Исламский джамаат Дагестана», «Джаннет», «Аль-Исламия», «Джамаат», «Исламское движение Кавказа», Джамаат «Шариат» и др. Терминальность, т. е. постановка исламских целей, наблюдается в деятельности немалочисленной группы приверженцев религиозно-политического движения «Хизб ут-Тахрир» в Дагестане, главная цель которых построение халифата. Как правило, терминальность выражается в открытом заявлении о целях деятельности движения или организации. Это политически мотивированная деятельность, которая часто осознанно или неосознанно игнорируется. Тем самым вводится неопределенность в вопрос о различении религиозно-политического экстремизма и обычного бандитизма. Так, Д.А. Медведев при обсуждении проблем экстремизма на Северном Кавказе высказался следующим образом: "Я поддерживаю то, что сказал президент Чечни Рамзан Кадыров. Мы не должны называть экстремистов исламскими экстремистами... Правильное наименование бандитов – просто бандит, у него нет религиозного содержания, даже если у него где-то в голове крутится, что он правоверный мусульманин» [9].

В действительности, религиозное содержание и религиозная определенность в действиях большого числа участников этих движений имеется. О чем, собственно, на том же совещании говорил Президент Ингушетии Ю. Евкуров: «среди радикально настроенной молодежи появляются те, кто ушли (в лес – А.З.) по идеологическим соображениям» [9]. О религиозно-идеологических целях своей деятельности заявляли «Исламский джамаат Дагестана», джамаат «Шариат» и другие организации [27]. Нелишне напомнить и о законодательном различении двух понятий: в отличие от бандитизма, тер-

роризм как проявление экстремизма есть политически мотивированная деятельность. В основе экстремистской деятельности приверженцев радикального ислама в ее терминальном выражении лежат два главных конфессиональных фактора: такфиризм и идея вооруженного джихада.

Принципиально иное наблюдается в случае исламского инструментализма. Как заметил А.В. Малашенко, ислам в руках чеченских сепаратистов играл прежде всего инструменталистскую роль. Они (Джохар Дудаев и Аслан Масхадов) никогда не обременяли себя чисто исламскими, конфессиональными целями [18, с. 114]. Несмотря на то, что в Дагестане «терроризм, в отличие от чеченского, имеет более серьезное идеологическое наполнение» [19], он также не избежал постановки перед собой не только чисто религиозных целей, но и других, которые имеют к исламскому сознанию косвенное отношение. Сепаратизм, протестные выступления по вопросам социальных проблем (коррупция, безработица, социальная несправедливость), национально-освободительная борьба и даже оправдание деятельности бандитских группировок – это неполный перечень целей, которые ставят перед собой исламские инструменталисты.

Не всегда протестные действия инструменталистского характера, даже вооруженного, могут быть оценены как социально негативные. Любая власть всегда считала и будет считать такого рода явления экстремизмом. Наука, в отличие от власти, должна различать оценки, даваемые законом (де-юре), и реальное положение дел (де-факто). Не будем забывать, что есть конфликты, в т. ч. и религиозно оформленные, которые выводят общество на новый уровень развития. Иначе мы отрицали бы прогрессивную роль социальных революций в истории. Тем не менее, относить к ним сепаратизм, проявленный на Северном Кавказе в 90-е годы прошлого века, где активно использовался исламский фактор, было бы несправедливо.

То же самое имеет место в исламском инструментализме отдельных группировок «лесных братьев» в Дагестане, да и на всем Северном Кавказе. Новое явление, связанное со сбором закята, (обязательного для мусульманина налога с имущества), появилось на Северном Кавказе – это подкидывание флешек успешным бизнесменам с указанием размера налога. Люди вынуждены платить, иначе покушение на их здоровье и жизнь неизбежны. Это возможно только при инструментальном использовании религии. Исходя из того, что инструментализм позволяет идеологии обслуживать разные, порой противоположные с точки зрения интересов общества и государства цели, определять данную форму экстремизма как религиозно-политическую или как религиозную невозможно. В противном случае трудно будет согласиться с мнением, что религиозно-политический экстремизм – «это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность конкретных личностей, социальных групп, их организаций. Эта деятельность всегда имеет своей целью насильственное изменение существующего строя или насильственный захват власти. Такая деятельность осуществляется нелегитимными средствами» [29, с. 27–28].

То же самое имеет место при использовании религиозной идеологии в организации социальных протестов, национально-освободительных движений и других форм деятельности, не ставящих перед собой достижение религиозных целей, хотя часто религиозная цель бывает опосредованной целями другого характера. Так, деятельность движения «Исламский джамаат Дагестана» первоначально носила терминальный характер. Ввиду невозможности ведения религиозно-политической экстремистской деятельности на территории Дагестана, участники движения в 1998 г. переместились на территорию Чечни, присоединились к чеченским сепаратистам и вели активную борьбу за отделение Дагестана от России. В этом случае религия играла инструментальную роль, но конечная цель определялась как построение исламского государства на территории Дагестана [26]. В данном случае последнее обстоятельство должно быть решающим в оценке деятельности сепаратистов как религиозно-политического экстремизма. То есть, в

отдельных случаях религиозный инструментализм должен быть классифицирован как религиозно-политический экстремизм.

В Дагестане проблемным стало еще одно явление, связанное с определением экстремистских проявлений религиозного сознания. Причина в том, что в конфессиональном плане такие различные исламские явления, как ваххабизм и джадидизм, имеют общие составляющие конфессионально определенного характера. Один из выдающихся представителей джадидизма Ш. Марджани основным в своей религиозной реформе, считал что:

1. таклид (следование догмам) должен быть полностью искоренен;
2. необходимо возвращение мусульман к основам мусульманской веры и мусульманской культуры эпохи Мухаммада [20, с. 121].

Известно, что ваххабиты являются наиболее жесткими представителями салафизма, преследующими приведенные выше цели. В них усматривается салафитская основа этих двух исламских явлений. По этому признаку видный представитель джадидизма в Дагестане Али Каяев (1873–1943 гг.) признается ДУМД первым дагестанским ваххабитом, распространявшим экстремистские идеи ваххабизма в Дагестане [30]. Естественно, последователи его идей также идентифицируются как ваххабиты.

Несмотря на общие позиции ваххабизма и джадидизма, определяемые по приведенным выше двум пунктам, между ними имеются существенные различия. Не учитывать их в таком нестабильном регионе, как Кавказ, значит создавать новые очаги напряженности. Как отрицание таклида, так и возврат мусульман к основам мусульманской веры эпохи Мухаммада у ваххабитов и джадидов имеют различные направленности и цели. Поэтому объективная оценка конфессиональной и социальной направленности ваххабизма и джадидизма больше связана не с ответом на вопрос, что они отрицают (таклид, нововведения), а с тем, каковы цели такого отрицания: для чего мусульмане хотят вернуться к первоначальному исламу? Это вопрос, ответ на который породил две противоположные тенденции в развитии исламского сознания, два разных понимания идеи возврата к истокам исламской религии. В ваххабитском варианте – это ригоризм, консерватизм, иррационализм, полное отрицание новшеств, иджихада, приспособления к новому в жизни, а как следствие – такфиризм и джихадизм. В джадидском варианте – это реанимация рационалистских начал в исламском сознании, активная адаптация к новшествам жизни посредством иджихада, широкая открытость светским ценностям, в частности в системе образования. Здесь нет и не может быть такфиризма и джихадизма. Как верно выразился татарский исследователь В. Юзеев, джадидизм прежде всего есть «часть теологического либерализма» [5], чего нет и не может быть в ваххабизме.

Ещё одной серьёзной проблемой религиозной экспертизы массовых движений на наличие экстремизма является необходимость оценки деятельности «умеренных» салафитов. Сложность проблемы заключается в том, что нет общепризнанных критериев этой умеренности. В Дагестане первоначально гонимые, сегодня они стали терпимыми. Так, один из лидеров «умеренных» в Дагестане Абас Кебедов в свое время не раз поддерживался представителями силовых структур. Сегодня он представляет «умеренных» в составе республиканской Комиссии по адаптации религиозных экстремистов к мирной жизни. Тем не менее, «умеренные» не имеют в республике легитимной деятельности. В частности, Абас Кебедов учился в Аль-Азхаре (Египет) и был близок к организации "Аль-Ихван аль-Муслимун". «По своим убеждениям Абас Кебедов тяготел скорее к «Братьям – мусульманам» [16, с. 47].

Также известно, что в свое время Исламская партия возрождения (ИПВ*) имела связи с организацией «Братья – мусульмане» [28, с. 400–404], а Абас Кебедов был одним

---

* ИПВ организована в 1990 г. и просуществовала до 1994 г.

из лидеров ИПВ. В недавнем интервью Кебедов так высказался об "Аль-Ихван аль-Муслимун" и применимости их идеологии в Дагестане: «ничего особенного в их идеологии нет, это и есть ислам. Это идеология миролюбивая, которая сегодня требует от человека все, что он может – и в плане политического самосознания, и в плане экономического развития, и в плане социальных преобразований. И эта активность будет распространяться и в Дагестане» [30]. Эта установка не соответствует положению российского закона, согласно которому деятельность «Братьев мусульман» признана террористической [31].

Тем не менее, проблема религиозной экспертизы «умеренных» остается актуальной по следующим причинам. Во-первых, как уже отмечалось, научный анализ не тождественен и не может быть полностью тождественен, и подчинен юридическому. Во-вторых, среди религиозно-политических группировок последователей «Аль-Ихван Аль-Муслимун», отколовшихся на определенном этапе от единой организации, имеются как «умеренные», так и радикальные военизированные группировки [1]. Говорить о том, в каком направлении будут проявлять себя дагестанские ихван муслимун пока трудно. В-третьих, сегодня во всем мире, в том числе и в Дагестане, делаются отчаянные шаги по возрождению идей умеренности в исламе. Глава администрации Президента РФ выступил с инициативой поддержки «умеренного ислама» на Кавказе [32].

В Дагестане вопрос о легитимизации «умеренных» уже не находит упорного сопротивления со стороны власти. Власть надеется, что признание умеренных салафитов направит их деятельность в мирное русло, создаст конфессиональную «отдушину», которая будет способствовать снижению остроты терминальных религиозных целей, уведет молодежь от соблазнов радикального салафизма «лесных братьев». Отвечая на вопрос, насколько эти надежды оправданы, необходимо знать все доводы «за» и «против», дать ответ на вопрос, уменьшит или усилит легализация экстремистскую активность «умеренных». Некоторые представления об этом дает обращение дагестанских «умеренных» салафитов, объединенных в организацию «Ахль-сунна-ва-Джамаа», Президенту РД. Обращение написано от имени Ассоциации мусульманских богословов Дагестана (АМБД) «Хайа», которая представляет «Ахль-сунна-ва-Джамаа» [25].

«Умеренность» АМБД заключается в том, что салафиты данной группы: 1) не имеют явно выраженных антироссийских настроений, какие имели место у радикальных салафитов «Исламский джамаат Дагестана», джамаат «Шариат» и др.; 2) не говорят об объявлении такфира другим конфессиональным группам, что наблюдалось в группах салафитов Б. Кебедова и А. Ангутаева; 3) готовы к легитимной, прозрачной конфессиональной, политической деятельности в РД; 4) не говорят о вооруженном джихаде;

5) готовы к диалогу в обсуждении проблем их взаимоотношений с государством и ДУМД.

В то же время в их позиции имеются составляющие, которые не могут не вызывать беспокойства общества и государства. Так, салафиты АМБД откровенно защищают «лесных братьев». По их мнению, в спецоперациях уничтожается «именно верующая молодежь», а не уголовники, насильники и наркоманы. При этом забывается, что именно «лесные» устраивают теракты, убивают мирных людей, в том числе и детей, которые никому вреда не наносили. Салафиты АМБД категоричны и в оценках светских законов: в государстве должны быть приняты только законы, данные Творцом: «В государстве, в котором не соблюдаются данные Творцом и зафиксированные Конституцией права и свободы граждан, происходит расслоение общества по конфессиональным, этническим, имущественным и иным признакам, становятся нормой чудовищные

формы социально-экономической несправедливости, такое государство никак не может быть ни преуспевающим, ни процветающим» [25].

Как заявил один из лидеров АМБД адвокат Зияудин Увайсов, «при принятии решения по любому вопросу мы руководствуемся только текстами Корана и Сунны, абсолютно не принимая во внимание реакцию бюрократии» [8]. «Умеренные» также требуют возможности широко пропагандировать салафитские идеи (эфирное время, издания, свою образовательную систему, свои мечети). Очевидно, что «умеренный» салафизм постепенно приобретает легитимность и политическую значимость, благодаря активности радикальных салафитов. В связи с этим нет никаких оснований думать, что «умеренные» будут активно противодействовать радикальному экстремизму.

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, программа действий дагестанских «умеренных» не подпадает под законы РФ «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму». В то же время необходимо заметить, что закон не различает религиозный экстремизм и экстремизм религиозно-политический. Точнее, закон считает, что религиозного экстремизма нет. Необходимо согласиться с мнением В.В. Лапаевой, которая считает, что «законодательство, направленное на противодействие политическому экстремизму и тем формам проявления религиозного экстремизма, которые имеют политический характер, представляет собой достаточно развитую систему нормативных актов. Иное дело – собственно религиозный экстремизм, специфика и различные проявления которого не получили еще сколько-нибудь удовлетворительного отражения в законодательстве» [15].

В деятельности дагестанских умеренных есть проявления религиозного экстремизма, в частности, это отнесение ценностей светского государства к второсортным, с которыми необходимо бороться. Что это, если не косвенная поддержка терроризма «лесных», отрицание исламской адаптации к новым явлениям общественной и государственной жизни, и как следствие – борьба с ними. Нельзя не замечать, что религиозно-политический экстремизм вырастает не иначе, как из крайностей экстремизма религиозного. «Умеренный» ислам в современных сложных условиях – это ислам, адаптирующийся к миру через развитие образования, новых технологий, соответствующей экономики, это ислам, признающий светский характер общества. Однако «умеренные» салафиты Дагестана не соответствуют этим индикаторам.

Литература

1. Али-заде А. Ихван муслимун // Исламский энциклопедический словарь. – М., 2007.
2. Аль-Азхар закрыт для Россиян // Новое дело. 19.11.2011.
3. Ахмедханов Б. Увидимся в раю // Новое дело. 13.10. 2000.
4. Ахтаев А. Суфий должен быть политиком // Ат-Таухид. № 1.
5. Залимханов З.М., Ханбабаев К.М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). – Махачкала, 2000.
6. Баутдинов Р. Российские предтечи Евроислама // Независимая газета. 04.02.2004.
7. Выписка из протокола № 24 заседания Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Госдумы РФ 30.11.2000.
8. Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство саудидов в Аравии. (1744/45–1818). – М., 1967.
9. Власть и ислам: несостоявшаяся встреча. Интервью З. Увайсова // Новое дело. 04.11.2010.
10. Встреча Д.А. Медведева с муфтиями и главами субъектов Северного Кавказа // <http://ria.ru/society/20090828/182751609.html#13790596914204&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz2e14VGokj>

11. *Игнатенко А.А.* «Хизбалла» – это шиитская «Аль-Каида» // <http://i-r.ru/page/stream-event/index-6776.html>.
12. *Игнатенко А.А.* Миссия невыполнима? Власти Саудовской Аравии начали бороться против религиозного экстремизма // НГ – религии. 18.06.2003.
13. *Кисриев Э.Ф.* Ислам и власть в Дагестане. – М., 2004.
14. Коран / пер. и коммент. М.-Н. Османова. – М., 1999.
15. *Котлова Э.* «Глупость несусветная» // Новое дело. 23.04.2004.
16. *Лапаева В.В.* Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства // <http://www.lavmix.ru/comm./5611/>.
17. *Макаров Д.В.* Несостоявшееся возрождение умеренного исламизма в Дагестане // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспект. – Н. Новгород. – 2007. – № 7.
18. *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М., 2000.
19. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001.
20. *Маркедонов С.* Терроризм в рамках «международных стандартов». // <http://www.apn.ru/08/10/2005/>.
21. *Набиев Р.А.* Ислам и государство. – Казань, 2002.
22. НГ-религии. 29.11.2000.
23. НГ-Религии. 08.09.1999.
24. Российская газета. 04.04.2012.
25. Обращение-предупреждение к продавцам и распространителям печатной продукции // Ас-салам. – 2004. – № 7. – Апрель.
26. Обращение АМБД «Хайа» // Настоящее время. 01.09.2010.
27. Причины междоусобиц. Подписано «Джамаат Дагестана» // Халифат. – № 2. – 1998.
28. Ответственность за взрыв в Махачкале взяла на себя группировка «Шариат» // <http://www.regnum.ru/news/439695.html>.
29. *Ражбадинов М.З.* Умеренный исламизм в Египте. На примере деятельности организации «Братья-мусульмане». – М., 2006.
30. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / под общ. ред. проф. Яхьяева М.Я. – М.: Парнас, 2011.
31. *Руслан Гереев. Абас Кебедов:* время тиранов прошло // Настоящее время. 29.06.2012.
32. Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими. // <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2007/11/d11927>.
33. Сурков выступил за создание филиалов кувейтской организации «Умеренный ислам» на Кавказе. // <http://www.Kavkaz-news.Info/Portal>.
34. *Сюкияйнен Л.О* правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама. // <http://www.gumer.ifobogoslov-Buks/Iseam/syk/pray-sred.php/>.

Поступила в редакцию 20 августа 2013 г.